

В. Г. Белинский

Сто русских литераторов. Том третий

Виссарион Белинский

**Сто русских
литераторов. Том третий**

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Сто русских литераторов. Том третий / В. Г. Белинский —
«Public Domain», 1845

Появлению статьи 1845 г. предшествовала краткая заметка В.Г. Белинского в отделе библиографии кн. 8 «Отечественных записок» о выходе т. III издания. В ней между прочим говорилось: «Какая книга! Толстая, увесистая, с портретами, с картинками, пятнадцать стихотворений, восемь статей в прозе, огромная драма в стихах! О такой книге – или надо говорить все, или не надо ничего говорить». Далее давалась следующая ироническая характеристика тома: «Эта книга так наивно, так добродушно, сама того не зная, выражает собою русскую литературу, впрочем не совсем современную, а особливо русскую книжную торговлю». Это обстоятельство Белинский и обещал избрать основной темой будущей статьи.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

Сто русских литераторов. Том третий

Издание книгопродавца А. Смирдина. Том третий. Бенедиктов. Бегичев. Греч. Марков. Михайловский-Данилевский. Мятлев. Ободовский. Скобелев. Ушаков. Хмельницкий. Санкт-Петербург. 1845.

За шесть лет пред сим вышел первый том «Ста русских литераторов». Тайнственные слухи заранее предупредили читающий мир о появлении этого издания^[1]. В России все идет скоро, и потому не удивительно, что в 1839 году великолепные издания могли казаться чудом. В самом деле, огромный, изящно изданный сборник статей лучших русских писателей, – при каждой статье гравированный на стали, в Лондоне, портрет автора, и гравированная на стали картинка к каждой статье: да это что-то прекрасное по мысли, великолепное по изданию! Имя издателя, книгопродавца г. Смирдина, давно уже приобрело на Руси общую известность и общую доверенность. В глазах русской публики г. Смирдин давно уже не принадлежал к числу обыкновенных торгашей книгами, для которых книги – такой же товар, как и сено, сало или деготь, только, может быть, менее наживной и выгодный, и которые могут знать толк и в сене, и в сале, и в дегте, но не в книгах. Нет, русская публика видела в г. Смирдине книгопродавца на европейскую ногу, книгопродавца с благородным самолюбием, для которого не столько было важно нажиться через книги, сколько слить свое имя с русскою литературою, внести его в ее летописи. И русская публика не ошиблась в этом случае: г. Смирдин точно был достоин ее высокого о нем мнения. Он хотел торговать, следовательно, хотел барышей, хотел наживать, – однако ж наживать не только честно, но еще и почетно, со славою. Для этого он поставил себе за правило издавать только хорошие сочинения и давать ход только хорошим сочинениям. Правда, он мог издать и дурную книгу, но не намеренно, а по ошибке своего вкуса или по ошибочному совету тех, чьему вкусу доверял он. Но каких бы барышей ни обещало ему сочинение, в ничтожности которого он был убежден, – никогда не решился бы он издать его на свой счет. Ему всегда легче было решаться на издание хорошего сочинения, которое требовало больших издержек и вместо барышей обещало убыток, нежели решиться на издание дурной книги, обещающей верную прибыль. В этом было его самолюбие, его честолюбие, его гордость, его страсть – тем более удивительные, тем более бескорыстные, что он сам, по своему образованию, воспитанию, привычкам, понятиям, образу жизни, не мог ни ценить, ни наслаждаться содержанием и достоинством тех сочинений, которых был издателем и которыми доставлял наслаждение всему читающему русскому миру. Вследствие этого он должен был руководствоваться советами и указаниями тех книжных людей, которые и читают и сами пишут книги. Надо согласиться, что положение г. Смирдина было в этом отношении очень затруднительно, потому что он не обладал никаким прочным основанием, которое могло бы руководить его в выборе советников. Это неприятное обстоятельство было впоследствии причиною всех его неудач и разрушения его надежд – быть долго полезным русской литературе. А между тем он все-таки сделал для русской литературы так много, что упрочил своему имени почетную страницу в ее истории. Итак, не будем обвинять его за то, что он мог бы еще сделать и чего, однако ж, не сделал; но отдадим ему должную справедливость за то, что им сделано.

А он, повторяем, много сделал: он произвел решительный переворот в русской книжной торговле, и вследствие этого в русской литературе. Он издал сочинения Державина, Батюшкова, Жуковского, Карамзина, Крылова – так, как они, в типографском отношении, никогда прежде того не были изданы: то есть опрятно, даже красиво, и – что всего важнее – пустил их в

---

[1] Об информации, содержащейся в заметке Белинского «Литературные новости» («Московский наблюдатель», 1839, ч. I, № 1), см. в примеч. к рецензии на т. I «Ста русских литераторов» – наст. изд., т. 2, с. 591–592.

продажу по цене, доступной и для небогатых людей. В последнем отношении заслуга г. Смирдина особенно велика: до него книги продавались страшно дорого и поэтому были доступны большей частью только тем людям, которые всего менее читают и покупают книги. Благодаря г. Смирдину приобретение книг более или менее сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее читают и, следовательно, наиболее нуждаются в книгах. Повторяем: это главная заслуга г. Смирдина перед русскою литературою и русскою образованностью. Чем дешевле книги, тем больше их читают, а чем больше в обществе читателей, тем общество образованнее. В этом отношении деятельность книгопродавца, опирающаяся на капитал, благородна, прекрасна и богата самыми благотворными следствиями. Такова была деятельность г. Смирдина: она безукоризненна в том отношении, которое зависело от его воли, от его честного самолюбия, его благородной страсти. Но в том, что зависело от вкуса, образованности и знания, и в чем г. Смирдин, как мы уже сказали, сам зависел не от самого себя, а от советов и внушений тех литераторов, на суждение которых он должен был безусловно полагаться, – в этом отношении его издания имели большие недостатки.

Редакция его изданий всегда была далеко ниже их типографского выполнения, зависевшего только от издателя. Так, например, сочинения Державина изданы не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера поэта, а на основании ложного разделения по родам, которым всегда руководствовалась при издании сочинений каждого автора старая, так называемая *классическая* школа. «История государства Российского» Карамзина благодаря г. Смирдину стоила только *тридцать рублей ассигнациями* вместо прежних *полтора* ста и больше рублей, следовательно, в *пять* раз дешевле. Вышла она в двенадцати небольших книжках в 12-ю долю листа, напечатанных, однако ж, не слишком мелким и очень четким шрифтом. Чего бы, кажется, лучше! И, действительно, на стороне книгопродавца тут одна только заслуга, и заслуга великая! Но образованные, просвещенные, ученые и даровитые писатели, принимавшие участие в редакции «Истории» Карамзина, дали ему благой и мудрый совет – частью посократить, частью повыбросить примечания!.. Зачем это было сделано? Затем, чтоб книжка была тоньше, издание обошлось дешевле и его можно было бы пустить в продажу дешевле. Очень хорошо; но в таком случае всего бы лучше было напечатать «Историю» Карамзина совсем без примечаний. Тогда она годилась бы по крайней мере для тех людей, которые читают историю, как роман, как повесть, как сказку, и для которых скучно заглядывать в примечания, состоящие часто из интереснейших и любопытнейших выписок из летописей и современных записок, чтоб поверять ими и события и автора истории. Но редакторы или советчики, желая угодить всем, не угодили никому. Тем, кто не любит примечаний, они все-таки навязали же примечания, хотя и неполные, которые только без нужды увеличили книгу и ее цену, тех же, для которых примечания важны не меньше самого текста, они снабдили искаженными примечаниями, которые поэтому не имели уже никакой цены. И если для первых лучше было бы издать «Историю» Карамзина совсем без примечаний, то естественно, что для последних следовало бы ее издать с полными примечаниями, тем более что три или много четыре лишние листа при книге не слишком увеличили бы ее толщину (книжки вышли очень тонки) и расходы издания. В последнем случае лучше бы возвысить цену книги рублями пятью, потому что и 35 рублей – все-таки вчетверо дешевле 150 рублей. Тогда издание равно годилось бы для всех – и для тех, кому не нужны примечания, и для тех, кому они нужны, между тем как искажение примечаний много повредило успеху издания и, следовательно, выгодам издателя. Раскройте журналы того времени, – вы увидите, что мы говорим правду: это произвольное и ненужное искажение примечаний встречено было общим ропотом. И не удивительно: теперь каждый образованный читатель с большею охотою заплатит г. Эйперлингу 50 рублей ассигнациями за его компактное

и прекрасное издание «Истории» Карамзина, нежели г. Смирдину 10 рублей ассигнациями за его дешевое издание той же «Истории»^[2].

Г-ну Смирдину пришла счастливая мысль издать полный каталог своей огромной библиотеки; но для осуществления этой мысли он мог только пожертвовать капиталом, а не быть редактором издания, и издание вышло из рук вон плохо. Составлявшие каталог держались такого неслыханного порядка в разделении книг по их содержанию, что из хорошей книги поневоле вышел вздор^[3]. Поверят ли, что в этом каталоге, в отделе богословских книг, помещены: «Ключ к таинствам натуры» Эккартсгаузена, «Дочь молочника, истинная и занимательная повесть» и другие повести и сказки нравственного содержания; а в отделе философии – книги вроде следующей: «Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений, с поруганием меланхолии»?..^[4] Еще хорошо, что при этом каталоге есть общий каталог, по алфавиту, всех книг и всех авторов, и потому, хоть и с трудом, а можно приискать книгу, которую нужно. Благодаря этому обстоятельству каталог г. Смирдина – настольная ручная книга в кабинете каждого литератора. Но будь он составлен как следует, это была бы бесценная книга. Из всего этого видно, что мог бы сделать для русской литературы и русского образования такой книгопродавец, как г. Смирдин, если б он не имел нужды в чужих советах и чужом руководстве и мог действовать самостоятельно... Но еще больший переворот в русской литературе сделал г. Смирдин своим журналом – «Библиотека для чтения». Появление этого журнала – истинная эпоха в истории русской литературы. До него наша журналистика существовала только для немногих,

^[2] В издании А. Ф. Смирдина «История государства Российского» Карамзина выходила в 1830–1831 и 1833–1835 гг. Полное издание И. Эйперлинга в 12-ти томах, включавшее все примечания к тексту, «Ключ, или алфавитный указатель», составленный П. Строевым, и отрывки из «Записки о древней и новой России», вышло в 1842–1843 гг. О достоинствах этого издания см. в специальных рецензиях на кн. I и кн. III «Истории» (Белинский, АН СССР, т. VI, с. 231–233, и наст. изд., т. 5).

^[3] Имеется в виду «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина», ч. I–IV. СПб., 1828 (с прибавлениями, вышедшими в 1829 и 1832 гг.), составленная известным библиографом В. Г. Анастасевичем. При всех недостатках в классификации книг, отмеченных здесь Белинским, «Роспись» представляла выдающийся библиографический труд.

^[4] «Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии», переведено с латинского языка» И.-П. Ланге, М., 1769; «Дочь молочника, истинная и занимательная повесть» (1817); «Ключ к таинствам натуры» немецкого мистика К. Эккартсгаузена – русск. перев., в 4-х томах, СПб., 1804.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания